

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов
Полет фантазии
Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158267
Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Рига; 1994
Оригинал: Isaac Asimov, "Flight of Fancy"
Перевод:
Михаил Борисович Левин*

Аннотация

Друг Джорджа Бальдур Андерсон – герой рассказа Айзека Азимова «Полет фантазии» из серии об Азазеле – был неистовым атеистом, котрым его сделали воспоминания его детства. На картинках ангелы умели летать, а люди нет, значит этого не может быть и, следовательно, бога нет. С помощью Азазела Бальдур теперь сможет летать...

Айзек Азимов

Полет фантазии

Обедая с Джорджем, я всегда помню, что расплачиваться надо не кредитной карточкой, а только наличными. Это дает Джорджу возможность следовать своей излюбленной привычке – якобы невзначай прихватывать принесенную официантом сдачу. Я, со своей стороны, стараюсь, чтобы этой сдачи не было слишком много, и на чай даю отдельно.

Однажды мы с ним, отобедав в Боатхаусе, шли обратно через Централ-парк. День был хорош, хотя чуть-чуть жарковат, и мы присели отдохнуть на скамеечку в тени.

Джордж наблюдал за птичкой, которая по птичьему обыновению вертелась на ветке, а потом взлетела и скрылась в небе.

– В детстве, – заметил Джордж, – я страшно завидовал этим тварям: они могут парить в воздухе, а я нет.

– Я думаю, – подхватил я, – что птицам завидует каждый ребенок. Да и взрослый тоже. Теперь, правда, люди научились летать и лучше, и дальше птиц. Аэроплан без заправки и посадки облетает землю за девять дней. Ни одна птица так не может.

– А какой птице это надо? – с презрением возразил Джордж. – Я же не говорю о сидении в летающей машине или даже подвешивании к парящему дельтаплану. Это все –

технологические протезы. Я-то имею в виду – летать самому: расправить руки, мягко взмыть в воздух и двигаться по собственной воле.

Я вздохнул:

– Вы подразумеваете – освободиться от тяготения. И я когда-то мечтал об этом, Джордж. Мне однажды снилось, что я подпрыгнул, завис в воздухе и легкими движениями направлял полет своего тела, а потом мягко и плавно приземлился. Я знал, конечно, что это невозможно, и осознавал, что все это во сне. Но когда я во сне проснулся, оказалось, что я по-прежнему могу парить. И я решил, что раз я уже не сплю, значит, я на самом деле летаю. И тут я проснулся по-настоящему и ощутил себя еще большим пленником гравитации, чем раньше. Какое это было чувство потери, Джордж, какое разочарование! Я несколько дней не мог прийти в себя.

И тут, что можно было почти наверняка предсказать, Джордж ответил:

– Со мной было хуже.

– Неужели? У вас был такой же сон, правда? Только побольше и получше?

– Сон?! Я не обращаю внимания на сны. Оставляю это старым бабам и бумагомаракам вроде вас. Я говорю о яви?

– То есть вы летали наяву. Вы полагаете, что я поверю, будто кто-то впустил вас в космический корабль?

– Ни в каком не в космическом корабле, а прямо на земле. И не я, а мой друг Бальдур Андерсон. Но лучше я вам

расскажу все по порядку.

Большинство моих друзей (начал Джордж) – интеллектуалы и профессионалы высокой пробы, к каковым, может быть, и вы себя относите, но Бальдур в это большинство не входил. Он работал водителем такси, особого образования не имел, но глубоко уважал науку. Он проводил в нашем любимом пивбаре вечер за вечером, рассуждая о Большом взрыве, о законах термодинамики, о генной инженерии и о многом другом. Он бывал мне благодарен за объяснения по подобным вопросам и всегда настаивал, вопреки моим протестам (во что вы, зная меня, легко поверите), на своем праве платить по счету.

В его личности была одна очень неприятная черта: он был неверующим. Я не имею в виду тех философствующих атеистов, которые отрицают любые сверхъестественные проявления, объединяются в светские организации гуманистического толка и печатают на языке, которого никто не понимает, статьи в журналах, которые никто не читает. От этих-то – какой вред? Бальдур же принадлежал к той породе, которую в прежние времена называли «деревенский безбожник». Он вступал в споры в пивных с такими же невежественными людьми, как и он сам, и споры быстро переходили в перепбранки на повышенных тонах и с личными характеристиками. Вот как это обычно выглядело:

– Ладно, если ты такой умный, головастик, так скажи мне,

где Каин нашел себе жену?

– Не твое дело, – отругивался оппонент.

– Нет, где? Ведь Ева была единственной женщиной.

– А откуда ты знаешь?

– Так в твоей Библии сказано.

– Ничего там такого нет. Ты мне покажи, где там написано: «Ева была единственной женщиной на всей Земле».

– Это подразумевается.

– Подразумевается, видишь ли! Умник нашелся.

– От умника слышу!

Я пытался урезонить Бальдура в моменты, когда он успокаивался.

– Бальдур, – говорил я ему, – нет смысла дискутировать о вопросах веры. Вы ничего не докажете, а только создадите неприятности себе и другим.

Бальдур сразу же огрызался:

– Мое конституционное право не верить во всю эту кучу половы и об этом заявлять.

– Это верно, – соглашался я, – но однажды один из этих джентльменов, что вон там потребляют алкогольные напитки, может двинуть вас раньше, чем остановится сопоставить свои действия с конституцией.

– Эти люди, – отвечал Бальдур, – должны подставлять другую щеку. Так написано в ихней Библии. Там сказано: «Не шуми насчет зла. Пусть себе живет».

– Они могут и позабыть.

– Тогда и я смогу за себя постоять.

И он и вправду мог, потому что был здоровенный мускулистый мужик с таким носом, который принял на себя не одну сотню ударов, и такими кулаками, которые явно не оставляли без ответа подобные действия.

– Не сомневаюсь в ваших способностях, – соглашался я, – но в религиозных спорах обычно несколько человек отстаивают противоположную точку зрения и только один – вашу. Согласованные действия дюжины ребят могут превратить вас в нечто напоминающее пульпу. И к тому же, – добавил я, – предположим, что вы победили в споре на религиозную тему. Тогда вы послужили причиной тому, что один из этих джентльменов потерял свою веру. Вы действительно хотите почувствовать свою ответственность за такую потерю?

Бальдур несколько встревожился, поскольку в душе был добряком. Он сказал:

– Я же никогда ничего не говорю о настоящих основах веры. Я говорю про Каина, про Иону, который ну никак не мог трое суток жить во чреве кита, и насчет хождения по воде. А ничего такого по-настоящему оскорбительного я не говорю. Я же ничего никогда не сказал против Санта-Клауса, верно? Даже был случай, тут один распространялся насчет того, что у Санта-Клауса только восемь оленей, а олень по кличке Рудольф Красноносый никогда даже близко не подходил к этим саночкам. Я его тогда спросил: «Ты что, хочешь отнять у детишек Санта-Клауса?» – и врезал ему раз. И еще я никому

не позволю слова сказать против Морозки – Снежного человека.

Меня такая чувствительность, разумеется, тронула. Я его спросил:

– Бальдур, а как вы до такого дошли? Что сделало из вас такого фанатика неверия?

– Ангелы, – сказал он, резко помрачнев.

– Ангелы?

– Они. В раннем детстве я видел ангелов на картинках. Вы их когда-нибудь видели?

– Конечно.

– Так у них крылья. У них руки и ноги, а на спине – большие крылья. А я в детстве читал научные книги, и там написано, что все существа, имеющие позвоночник, имеют четыре конечности. У них четыре плавника или четыре ноги, или две руки и две ноги, или две ноги и два крыла. Иногда две задние ноги исчезают, как у китов, или две передние, как у киви, или все четыре, как у змей. Но больше четырех конечностей не может быть ни у кого. Так как же у ангелов может быть шесть конечностей – две руки, две ноги и два крыла? Хребет-то у них есть, верно? Они же не насекомые или что-то вроде того? Я тогда спросил маму, а она мне посоветовала заткнуться. С тех пор я много думал на эту тему.

Я подумал и ответил:

– Бальдур, по-моему, вы напрасно так буквально воспринимаете эти изображения ангелов. Эти крылья – всего лишь

символы того, что ангелы умеют перемещаться с огромной скоростью.

– Да неужто? – уязвленно отозвался Бальдур. – А вы спросите этих поклонников Библии, есть ли у ангелов крылья на самом деле. Они в этом более чем уверены. Они такие тупые, что слова насчет шести конечностей до них не доходят. А что до ангелов, то раз они умеют летать, почему тогда я не могу? Это нечестно.

Он надул губы и, казалось, сейчас заплачет. Мое доброе сердце толкнуло меня поискать слова утешения.

– К тому придет, Бальдур, – сказал я. – Когда вы умрете и попадете на небо, вы получите крылья вместе с нимбом и арфой и обретете умение летать.

– Вы верите в эту чушь, Джордж?

– Вообще-то нет, но такая вера давала бы большое утешение. Почему бы вам не попробовать?

– Никогда в жизни, потому что это ненаучно. Я всю жизнь хочу летать – по-настоящему, просто на руках. И я думаю, что наука может дать способ сделать это здесь, на Земле.

Я все еще пытался его как-то утешить и потому неосторожно (может быть, приняв на полбокала больше своего лимита) сказал:

– Уверен, что такой способ найдется.

Он оставил на меня сверлящий и чуть-чуть налитый кровью взгляд.

– Вы издеваетесь? Над мечтой моего детства?

– Нет-нет, – быстренько сказал я, тут же осознав, что он-то выпил на десяток бокалов выше черты и что его правый кулак самым недвусмысленным образом подергивается. – Да разве стал бы я смеяться над детской мечтой или даже над манией взрослого? Просто у меня есть знакомый – э-хм – ученый, который может случайно знать способ.

Но он все еще казался недружелюбным.

– Так вы его спросите, – сказал он, – и передайте мне, что он скажет. А то я не люблю тех, кто с меня смеется. Я вам не мальчик. Я-то с вас не смеюсь, нет? Я вам когда говорил про то, что вы всегда счет отпихиваете мне?

Я поспешил покинуть опасную почву.

– Я немедленно проконсультируюсь со своим другом. Вы не беспокойтесь, я все устрою.

В общем и целом, я решил, что так будет лучше всего. С одной стороны, не хотелось терять источник бесплатных выпивок, с другой стороны, еще меньше хотелось быть объектом недовольства Бальдура. Он не верил в библейские указания любить врагов своих, благословлять проклинающих тебя и делать добро ненавидящим тебя. Он твердо верил в то, что врагу своему надо давать в глаз.

Так что я проконсультировался с Азазелом, моим приятелем из другого мира. Я вам говорил когда-нибудь, что у меня есть... ах да, говорил. Как всегда, Азазел был в мерзком настроении, когда я его вызвал. Он как-то необычно держал хвост на отлете, и когда я об этом спросил, пустился в бешен-

ные визгливые комментарии по поводу моей родословной, о которой он вообще ничего не мог знать.

Из всего этого я понял, что на него кто-то наступил. Он очень маленькое существо, всего два сантиметра ростом, от корня хвоста до кончиков рожек, и я сильно подозреваю, что даже в своем мире он просто путается под ногами. Вот на него кто-то случайно и наступил, и то, что его просто не заметили, так его и взбесило. Я попытался его успокоить.

– Если бы ты умел летать, о Могучий, коему вся вселенная платит дань поклонения, ты был бы защищен от нижайших из низших.

Это его несколько взбодрило. Последнюю фразу он даже повторил, как если бы старался запомнить ее на потом. И ответил:

– Я могу летать, о Жуткая Масса Беспольной Плоты, и я бы взлетел, если бы заметил этого типа из низших классов, кто в неуклюжести своей на меня свалился. Ладно, чего тебе надо?

Он произнес эту фразу ворчливым тоном, что прозвучало, как дребезжание жести. Я мягко сказал:

– Ты умеешь летать, о Возвышенный, но в моем мире есть люди, которые не умеют.

– В твоём мире нет людей, которые умеют. Они огромные, неуклюжие и распухшие, как и большинство из класса туподраконикидов. Если бы ты имел понятие об аэродинамике, Жалкое Насекомое, ты бы знал...

– Я преклоняюсь перед твоим высшим знанием, о Мудрейший из Мудрых, но мне вдруг пришло на ум, что ты мог бы устроить что-то вроде антигравитации.

– Антигравитации? Да ты себе представляешь, как...

– Необъятный Ум, – продолжал я, – позволишь ли ты тебе напомнить, что ты это уже однажды выполнил?¹

– Помню, помню. Но это было только частичное изменение. Нужна была, только возможность для некоторого лица передвигаться поверх куч замороженной воды, которыми изобилует твой дьявольский мир. А теперь ты, как я понимаю, просишь гораздо большего.

– Совершенно верно. У меня есть друг, который хотел бы уметь летать.

– Странные у тебя друзья. – Он присел на собственный хвост – поза, которую он обычно принимал, когда хотел подумать, – и тут же подскочил, шипя и ругаясь от боли, поскольку забыл о плачевном состоянии своей задней конечности.

Я подул ему на хвост, что как будто помогло и несколько его успокоило.

Он сказал:

– Потребуется механическое антигравитационное устройство, и я, конечно, его для тебя достану, но требуется еще содействие от центральной нервной системы твоего друга – если у него таковая имеется.

---

¹ См. рассказ «По снежку по мягкому».

– Я думаю, что имеется, – ответил я, – но как именно он должен содействовать?

Азazel замялся:

– Понимаешь, он должен верить, что может летать. Через два дня я посетил Бальдура в его скромной квартирке. Протянув ему устройство, я сказал:

– Вот.

Устройство не производило впечатления. Было оно величиной с каштан и, если поднести его к уху, довольно странно жужжало. Не знаю, каков был у него источник энергии, но Азazel заверил меня, что он не иссякнет. Еще он говорил, что устройство должно соприкасаться с кожей летуна, и потому я прикрепил к нему цепочку и сделал медальон.

– Вот, – повторил я, и Бальдур в сомнении отступил назад. – Наденьте цепь на шею и носите под рубашкой. И под нижней рубашкой, если вы ее носите.

Он спросил:

– Джордж, а что это?

– Антигравитационный прибор, Бальдур. Последняя модель. Крайне научно и полностью секретно. Не говорите никому ни в коем случае.

Он осторожно протянул руку.

– Это дал вам ваш друг?

Я кивнул:

– Наденьте это на шею.

Он нерешительно просунул голову в цепочку и, ободряе-

мый мною, расстегнул рубашку, пропустил медальон внутрь и снова застегнулся.

– А теперь что?

– А теперь расставьте руки и летите.

Он расставил руки, но ничего не произошло. Он насупился, и его маленькие глазки остро взглянули из-под кустистых бровей.

– Издеваетесь?

– Нет! Вы должны поверить в то, что полетите. Вы смотрели «Питера Пэна» – диснеевский мульттик? Вот и скажите себе: «Я могу летать, я могу летать, я могу летать».

– Так в мультике их еще посыпали волшебным порошком.

– Это ненаучно. А то, что на вас надето, крайне научно.

Скажите себе, что можете летать.

Бальдур окинул меня долгим, тяжелым взглядом. У меня, как вы знаете, храбрость льва, но мне стало слегка не по себе. Я добавил:

– Бальдур, это требует времени. Вам надо научиться.

Все еще глядя на меня, он неуклюже расставил руки и произнес: «Я могу летать. Я могу летать. Я могу летать».

И ничего не произошло.

– Прыгайте! – сказал я. – Дайте затравку!

Я сильно забеспокоился, знает ли Азazel на этот раз, что он делает.

Бальдур, по-прежнему с расставленными руками и устремленным на меня недружелюбным взглядом, подпрыг-

нул. Он взлетел примерно на фут, провисел, пока я посчитал до трех, и медленно спустился.

– Ого! – красноречиво сказал он.

– Ого! – ответил я, не уступая в красноречии.

– Я вроде бы там плавал.

– И очень ловко, – заметил я.

– Ага. Эй, я умею летать. Давайте еще попробуем. И его волосы оставили на потолке ясно различимое жирное пятно. Он, потирая макушку, вернулся на пол.

– Вам не следует подниматься выше четырех футов, – сказал я.

– Это здесь, в комнате. Давайте-ка пойдем наружу.

– Вы с ума сошли? Вам что, надо, чтобы видели, как вы летаете? Так у вас тут же заберут на изучение антигравитационный прибор, и вы его уже никогда не увидите. Сейчас этот прибор и его секрет известны только моему другу.

– Ладно, так что же мне делать?

– Летайте по комнате для собственного удовольствия.

– Не так уж это много удовольствия.

– Не так много? А сколько у вас его было пять минут назад?

Моя несокрушимая логика, как всегда, победила.

Должен признать, что, глядя на его свободные и ловкие движения в пустом пространстве не слишком большой гостиной, я ощутил сильный порыв попробовать это самому. Однако я не был уверен, что он пожелает отдать прибор, а

главное – у меня было сильное подозрение, что для меня прибор не сработает.

Азazel решительно отказывался делать что бы то ни было непосредственно для меня. Как он говорит в своей идиотской манере, его благодеяния должны приносить благо ближним. Я бы хотел, чтобы либо у него не было подобных дурацких идей, либо чтобы они были у моих ближних. Мне никогда не удавалось убедить облагодетельствованных мной оплатить мне достаточным количеством звонкой монеты.

Наконец Бальдур спустился на один из стульев и самодовольно спросил:

– Вы говорите, у меня получается, потому что я верю?

– Совершенно верно, – ответил я. – Это полет фантазии.

Мне понравился этот каламбур, но Бальдур, к сожалению, был лишен юмористического слуха – если ввести этот термин по аналогии с музыкальным. Он сказал:

– Видите, Джордж, насколько лучше верить в науку, чем во всю эту фигню насчет неба, ангелов и крыльев.

– Совершенно верно, – согласился я. – Не пойти ли нам куда-нибудь пообедать и чего-нибудь выпить?

– Непременно, – ответил он, и мы превосходно провели оставшийся вечер.

Но дальше все почему-то пошло не очень хорошо. На Бальдура, похоже, опустилась туманная завеса меланхолии. Он оставил свои прежние места охоты и нашел новые источники живой воды.

Мне это было все равно. Новые места бывали не в пример лучше старых, и в них подавали отличный сухой мартини. Но из любопытства я спросил почему.

– А я не могу больше спорить с этими болванами, – уныло ответил Бальдур. – Меня все подмывает их спросить: вот я умею летать, как ангел, так собираются ли они мне молиться? И поверят ли они мне? Они верят во все эти волшебные сказки насчет говорящих змеев и обращенных в соляной столб дам – это пожалуйста. Но мне они не поверят – можете голову давать на отсечение. Потому я и держусь от них подальше. Даже в Библии сказано: «Не шатайся с придурками и не сиди в совете недоумков».

Время от времени он срывался:

– Я не могу это делать у себя дома, Там просто нет места. Я не чувствую полета. Я должен подняться в открытое небо. Я хочу взлететь в воздух и полетать как следует.

– Вас увидят.

– Я могу ночью.

– Ночью вы врежетесь в холм и убьетесь.

– Я поднимусь повыше.

– А что вы тогда увидите ночью?

– Я найду место, где нет людей.

– Где, – спросил я, – где в наше время нет людей?

В этот день снова победила моя неопровержимая логика, но он становился все несчастнее и несчастнее и, наконец, не показывался мне на глаза несколько дней. Дома его не было.

В его гараже мне сказали, что он взял двухнедельный отпуск, на который имел право, и где он сейчас – они не знают. Не то чтобы мне не хватало его щедрости – если и да, то не очень – но я был обеспокоен мыслями о том, на какие необдуманные поступки могла подвигнуть его тяга к парению в воздухе.

В конце концов он вернулся к себе домой и позвонил мне. Я еле-еле узнал его потерянный голос, и, конечно же, когда он сказал, что я ему очень нужен, я немедленно поспешил к нему.

Он сидел у себя в комнате, надломленный и печальный.

– Джордж, – сказал он. – Джордж, мне не следовало никогда этого делать.

– Чего, Бальдур?

И тут его прорвало.

– Помните, я говорил вам, что хочу найти безлюдное место?

– Помню.

– Мне пришла в голову мысль. Я выбрал время, когда по прогнозу ожидалось несколько ясных дней, и поехал нанимать самолет. Знаете, есть такие аэропорты, где можно нанять самолет за деньги – как такси, только летающее.

– Знаю, знаю, – подтвердил я.

– Ну, я попросил этого парня отлететь за пригороды и полетать над сельской глушью. Сказал, что хочу полюбоваться пейзажами. На самом-то деле я хотел найти по-настоящему безлюдное место, а когда найду, узнать, как оно называется,

чтобы потом вернуться туда одному и полетать всласть.

– Бальдур, – сказал я, – с неба нельзя это распознать. Место сверху покажется вам пустым, а на самом деле там полно народу.

Он горько ответил:

– Теперь-то что толку мне это говорить. – Он сокрушенно покачал головой, вздохнул и продолжил: – Это был настоящий допотопный аэроплан. С открытой кабиной спереди и открытым местом для пассажира сзади. Я высунулся подальше, чтобы посмотреть, нет ли внизу шоссе, или автомобилей, или ферм. Для удобства я отстегнул ремень – я же умею летать и высоты не боюсь. Только я высунулся, как тут летчик, не зная про то, заложил вираж, и аэроплан наклонился как раз на ту сторону, куда я высунулся. Я не успел ни за что схватиться и просто выпал.

– О Господи! – произнес я.

Рядом с Бальдуром стояла жестянка с пивом, и он жадно к ней припал. Вытерев рот тыльной стороной руки, он спросил:

– Джордж, вы когда-нибудь выпадали из самолета без парашюта?

– Нет, – ответил я. – Теперь, когда вы спросили, я припоминаю, что никогда даже и не пробовал.

– Попробуйте как-нибудь, – сказал Бальдур, – это довольно занятно. Для меня это случилось полностью неожиданно. Я довольно долго не мог сообразить, что же случилось. Во-

круг был воздух, а земля вроде как вертелась у меня над головой туда и сюда, и я сам себя спросил, что это за чертовщина. А потом я почувствовал ветер, все сильнее и сильнее, только непонятно было, откуда он дул, И тогда мне в голову стукнуло, что это же я выпал. И тут я сказал себе: «Я падаю. Эй, я падаю!» А земля становилась ближе, и была внизу, и я очень быстро спускался. Хотелось закрыть глаза, но я понимал, что пользы с того не будет.

И можете мне поверить, Джордж, я за все это время даже не вспомнил, что умею летать. Я был так удивлен, что мог бы и погибнуть. Но когда я почти уже упал, я все вспомнил и тогда сказал себе: «Я могу летать! Я могу летать!» И это, понимаете, получилось как катание на пружинных качелях. Будто воздух ко мне привязали сверху, и он меня тормозил вроде большой резиновой ленты. И уже над верхушками деревьев я летел медленно-медленно и подумал: вот сейчас время парить. Однако я вроде как устал, так что я вытянулся, еще замедлился и очень плавно и мягко встал на землю.

И вы были правы, Джордж. Сверху казалось, что все пусто, а когда я спустился на землю, там уже собралась целая толпа, и рядом была какая-то вроде церковь, я ее сверху не заметил из-за деревьев.

Бальдур закрыл глаза и постарался унять судорожное дыхание.

– Что случилось, Бальдур? – наконец спросил я.

– Никогда не угадаете, – ответил он.

– Не собираюсь гадать, – ответил я. – Скажите, да и все.

Он открыл глаза и сказал:

– Они вылезли из церкви – настоящей церкви, где читают Библию, – и один из них пал на колени, поднял руки к небу и завопил: «Чудо! Чудо!», – а все остальные вслед за ним. Вы такого шума никогда не слышали. А другой какой-то подошел ко мне – толстый такой коротышка – да и говорит мне: «Я доктор. Что тут у вас случилось?» Я и не знал, что ему сказать. Как объяснить, если ты с неба свалился? Они уже стали меня в ангелы записывать. Так что пришлось сказать правду: «Я случайно свалился с самолета». А они снова завопили про чудо.

А доктор тогда и говорит: «У вас был парашют?» А как я ему скажу, что у меня был парашют, если никакого парашюта близко нет? «Нету», – говорю. А он говорит; «Все тут видели, как вы медленно спускались и мягко приземлились». А тут другой какой-то – потом выяснилось, что причетник местной церкви – говорит таким странным голосом, вроде как завывает: «Ибо рука Господа его поддержала».

Этого уже я не выдержал и говорю: «Ни фига. Это антигравитационный прибор». А доктор на меня: «Какой-какой?» – «Антигравитационный», – говорю. А он ржет, как будто я невесть как сострил, и говорит: «Я бы на вашем месте держался гипотезы о руке Господа».

А тем временем пилот на своем аэроплане приземлился, белый как бумага, и твердит как попугай: «Я не виноват.

Этот дурень отстегнул ремень». Тут он меня увидел и заругался так, что вообразить невозможно. «Ты, – говорит. – Как ты сюда попал? У тебя ж ни хрена парашюта не было». Тут все вокруг запели что-то вроде псалма, а причетник хватается пилота за руку и объясняет, что рука Господа меня спасла, и спасла потому, что у меня в мире есть какая-то работа невероятной важности, и что-то вроде того, что каждый в его пастве в этот великий день еще больше поверил в: неусыпное попечение Господа на троне Его, и как печется Он о самом малом из нас, и прочее в том же роде.

Он даже меня заставил об этом задуматься – о том то есть, что я спасся для чего-то важного. Тут еще пачка докторов подвалила да еще корреспонденты, не знаю уж, кто их всех позвал, и они меня спрашивали до тех пор, пока у меня вроде крыша уже поехала, тогда их остановили доктора и повезли меня в больницу на обследование.

– Вас на самом деле положили в больницу? – тупо переспросил я.

– И ни па секунду не оставляли одного. Меня тиснули в местной газете под крупным заголовком, и приехал какой-то ученый из Рутжерса или как-то в этом роде. Я ему сказал про антигравитацию, и он расхохотался. А я ему говорю: «Вы же ученый, неужели вы тоже верите в чудо?» А он отвечает: «Есть много ученых, что верят в Бога, но нет ни одного, который верил бы в антигравитацию и вообще в то, что она возможна». А потом говорит: «Вы мне покажите, мистер

Андерсон, как это работает, и я переменяю мнение».

И оно, конечно, не работало, и до сих пор не работает.

К моему ужасу, Бальдур закрыл лицо руками и зарыдал.

– Возьмите себя в руки, Бальдур! – сказал я. – Должно работать.

Он покачал головой и сдавленным голосом сказал:

– Нет, не работает. Оно работало, пока я в это верил, а я больше не верю. Все говорят, что это было чудо. В антигравитацию не верит никто. Они все ржут, а ученый сказал, что прибор – это просто кусок металла без источника питания и органов управления, а что антигравитация невозможна из-за Эйнштейна, который теория относительности. Джордж., мне надо было вас слушаться. Теперь я никогда не смогу летать, потому что потерял веру, Может быть, никакой антигравитации не было, а просто Бог решил почему-то действовать через вас. Я уверовал в Бога и потерял веру в науку.

Бедняга. Он и в самом деле больше никогда не летал. Устройство он мне вернул, и я отдал его Азазелу.

Вскоре Бальдур оставил работу, переехал, поближе к той церкви, где приземлился, и теперь служит там дьяконом. Он там в большом почете, ибо они считают, что на нем почиет десница Господня.

Я посмотрел на Джорджа испытующим взглядом, но на его лице, как и всегда при упоминании Азазела, не отражалось ничего, кроме самой простодушной искренности.

– Джордж, – спросил я, – это было недавно?

– В прошлом году.

– Со всем этим шумом насчет чуда, толпами корреспондентов и аршинными заголовками в газетах?

– Совершенно верно.

– Как вы тогда объясните, что я ничего подобного в газетах не видел?

Джордж, полез в карман, достал пять долларов восемьдесят два цента – сдачу, которую он аккуратно собрал, когда я расплатился за обед двумя бумажками в двадцать и десять долларов. Банкнот он отложил отдельно и сказал:

– Пять долларов ставлю, что смогу объяснить.

Ни минуты не колеблясь, я сказал:

– Отвечаю пятью долларами, что не сможете.

– Вы, – сказал он, – читаете только «Нью-Йорк таймс», верно?

– Верно.

– А «Нью-Йорк таймс», из почтения к той публике, которую она называет «наш интеллектуальный читатель», все сообщения о чудесах помещает мелким шрифтом на тридцать первой странице, рядом с рекламой купальников-бикини, так ведь?

– Возможно, но почему вы не можете предположить, что я читаю даже самые мелкие сообщения о новостях?

– Да потому, – торжествующе объявил Джордж. – Все же знают, что ничего, кроме самых крупных заголовков, вы не

замечаете. Вы же проглядываете «Нью-Йорк таймс» только в поисках упоминания своей фамилии.

Немного подумав, я дал ему еще пять долларов. Хотя сказанное им и было неправдой, это, как я понимал, вполне могло быть общепринятым мнением, а с ним спорить бессмысленно.